

**Н.А. Васильев**

**Лекции по психологии, читанные на  
Казанских Высших Женских Курсах**

Москва  
«Книга по Требованию»

УДК 159.9  
ББК 88  
Н11

Н11 **Н.А. Васильев**  
Лекции по психологии, читанные на Казанских Высших Женских Курсах / Н.А. Васильев – М.: Книга по Требованию, 2025. – 228 с.

**ISBN 978-5-519-49059-7**

В лекциях автором освещается широкий круг психологических проблем сквозь призму философского подхода к предмету и методам этой науки. Науки им подразделяются на те, которые изучают действительность («объективные»), и те, которые «строят идеалы» («нормативные»). Так, «логика – идеал мысли, эстетика – идеал чувства, этика – идеал воли и поступков... Психология, – убежден Н.А. Васильев, – должна быть чужда субъективизму нормативных наук, она должна быть наукой объективной (как естественные)». Критикуя главные психологические направления, автор замечает, что каждое направление утрирует тот или иной «закон сознания», и в связи с оценкой достоинств и недостатков ведущих психологических направлений Васильев высказывает свои суждения о путях достижения истинного знания.

**ISBN 978-5-519-49059-7**

© Издание на русском языке, оформление  
«YOYO Media», 2025  
© Издание на русском языке, оцифровка,  
«Книга по Требованию», 2025

Эта книга является репринтом оригинала, который мы создали специально для Вас, используя запатентованные технологии производства репринтных книг и печати по требованию.

Сначала мы отсканировали каждую страницу оригинала этой редкой книги на профессиональном оборудовании. Затем с помощью специально разработанных программ мы произвели очистку изображения от пятен, клякс, перегибов и попытались отбелить и выровнять каждую страницу книги. К сожалению, некоторые страницы нельзя вернуть в изначальное состояние, и если их было трудно читать в оригинале, то даже при цифровой реставрации их невозможно улучшить.

Разумеется, автоматизированная программная обработка репринтных книг – не самое лучшее решение для восстановления текста в его первоизданном виде, однако, наша цель – вернуть читателю точную копию книги, которой может быть несколько веков.

Поэтому мы предупреждаем о возможных погрешностях восстановленного репринтного издания. В издании могут отсутствовать одна или несколько страниц текста, могут встретиться невыводимые пятна и кляксы, надписи на полях или подчеркивания в тексте, нечитаемые фрагменты текста или загибы страниц. Покупать или не покупать подобные издания – решать Вам, мы же делаем все возможное, чтобы редкие и ценные книги, еще недавно утраченные и несправедливо забытые, вновь стали доступными для всех читателей.



и предметъ будетъ казаться фіолетовымъ. Тоже самое будетъ и для другихъ цвѣтовъ. Такимъ образомъ и цвѣта будутъ воспріятіемъ мозгового раздраженія, будутъ только ощущеніями, отличными и отъ этого раздраженія и отъ этихъ волнъ, которыя его вызвали. Какъ не похожъ на нашъ красочный міръ этотъ безцвѣтный міръ естествознанія, который бороздятъ во всевозможныхъ направленіяхъ періодическія сгущенія и разрѣженія свѣтоноснаго эфира—и этимъ производятъ въ насъ цвѣта и краски. Если держаться такого взгляда, то часть внѣшняго міра: цвѣта, звуки, запахи, вкусы—становятся психическими. Но нѣкоторые філософы идутъ далѣе. По ученію Канта и пространственныя отношенія тоже относятся къ психическому, они суть форма нашего познанія, которую мы вносимъ въ непространственный внѣшній міръ. При такой точкѣ зрѣнія еще труднѣе разграничить психическое отъ физическаго.

Относительно нѣкоторыхъ психическихъ процессовъ, мы можемъ съ увѣренностью сказать, что это процессы чисто психическіе, таковы наши мысли, наши чувства, наши стремленія, наши представленія, образы, фантазіи, наши воспоминанія, наше самосознаніе и т. д.

Но относительно ощущеній мы никакъ не можемъ сказать, психическія ли они или физическія. Правильнѣе прямо говорить, что они и физическія и психическія въ одно и то-же время. Вѣдь и естествоиспытатель имѣетъ все время съ своими ощущеніями. Когда минералогъ изучаетъ какой нибудь минералъ, онъ подмѣчаетъ его блескъ, цвѣтъ путемъ зрѣнія, подмѣчаетъ его твердость, шероховатость путемъ осязанія и, наконецъ, форму, величину—заразъ и путемъ зрѣнія и путемъ осязанія. Этотъ сложный комплексъ ощущеній онъ называетъ опредѣленнымъ именемъ. Тотъ безцвѣтный, безкачественный міръ естествоиспытателя, который составленъ изъ движущихся въ пространствѣ мельчайшихъ частицъ, тоже построено изъ элементовъ нашихъ ощущеній. Для построенія такого міра необходимы двѣ вещи: непроницаемыя мельчайшія частицы—атомы и ихъ движеніе. Непроницаемость есть извѣстное ощущеніе, которое мы получаемъ, давя рукой на твердое тѣло, испытывая его сопротивленіе. Движеніе тоже ощущеніе, которое мы получаемъ, слѣдя глазомъ за движущимся предметомъ или двигая рукой въ пространствѣ. Итакъ мы видѣли, что нельзя отграничить психическое отъ физическаго, потому что ощущенія заразъ являются и психическими процессами, сознательными процессами въ насъ и являются качествами внѣшнихъ предметовъ. Проблема разграниченія „физическаго“ отъ „психическаго“ много занимала умы мыслителей. Обычное не научное мышленіе рѣзко противопоставляетъ психическое физическому. Но это противоположеніе носитъ въ обыденномъ житейскомъ мышленіи житейскій практическій характеръ. Источникомъ его является разграниченіе „я“ отъ не „я“, которое носитъ чисто практическій характеръ. Когда мы дѣйствуемъ, въ самомъ актѣ дѣйствія „я“ ограничиваетъ себя отъ не „я“. Я дѣйствуетъ, а не „я“ сопротивляется этому дѣйствію. Попробуйте подымать тяжелую гирю,

и Вамъ сразу безъ разсужденія инстинктивно станетъ ясно различіе между „я“ и не „я“. Когда вы ѣдите, Вы чувствуете инстинктивно различіе между „я“ и не „я“—Вашей пищей. Но начните разсуждать, спросите себя, вкусъ этого куска сыра, что это „я“, или не „я“, психическое или физическое? И Вы будете находиться въ недоумѣніи и не дадите сразу отвѣта. И это потому, что этотъ вкусъ сыра принадлежитъ и Вамъ, какъ вкусовое ощущеніе, и сыру, какъ вкусовое качество. Это-то рѣзкое разграниченіе психическаго отъ физическаго, „я“ отъ не „я“, которое въ обыденномъ мышленіи порождено практическими интересами, но не существомъ дѣла, психологи и философы перенесли въ науку. Старались рѣзко разграничить физическое отъ психическаго. Такое ученіе называется *дуализмомъ*. Родоначальникъ современнаго дуализма и основатель новѣйшей философіи Рене Декартъ какъ разъ и училъ о рѣзкой противоположности физическаго и психическаго „матеріи“ и „духа“. Сущность матеріи онъ видѣлъ въ протяженіи, сущность духа—въ мышленіи, въ сознаніи. По его стопамъ и теперь разграничиваютъ физическое отъ психическаго, говоря „что предметамъ и явленіямъ міра физическаго могутъ быть приписаны свойства протяженности, а психическимъ явленіямъ свойства протяженности приписаны быть не могутъ. Напр., если мы возьмемъ какойнибудь предметъ наукъ о природѣ, то всегда можемъ сказать о немъ, что онъ большой или малый, что онъ толстый или тонкій. Если мы возьмемъ какойнибудь физическій процессъ, напр., горѣніе, какуюнибудь химическую реакцію, то мы о немъ должны сказать, что онъ совершается гдѣнибудь въ пространствѣ. Наоборотъ, если мы возьмемъ какой-бы то ни было процессъ психическій, то увидимъ, что ему протяженность ни въ коемъ случаѣ приписана быть не можетъ. Напр. о чувствѣ сомнѣнья, которое въ данную минуту находится у меня въ сознаніи, я не могу сказать, что оно имѣетъ ширину, длину и толщину. О моей мысли о великомъ переселеніи народовъ не могу сказать, что она находится вправо или влѣво отъ мысли о барометрическомъ давленіи“ (проф. Челпановъ). Такъ аргументируютъ сторонники дуализма и разграниченія физическаго отъ психическаго. Но при болѣе детальномъ разсмотрѣніи дѣла падаетъ и это разграниченіе. Боль, чисто психическое состояніе, мы прекрасно локализуемъ, размѣщаемъ въ пространствѣ, въ опредѣленномъ мѣстѣ нашего тѣла и если у насъ двѣ боли ощущаются заразъ, то мы прекрасно можемъ сказать, что одна изъ нихъ находится влѣво или вправо отъ другой. Мы различаемъ разлитую боль отъ ограниченной, „тупую“ боль отъ „острой“. Это послѣднее различеніе ясно показываетъ, что у тупой боли есть какая-то аналогія съ тупымъ предметомъ, а у острой—съ острымъ, т. е. аналогія съ чисто пространственными формами. Ощущеніе грома кажется намъ болѣе объемистымъ и массивнымъ, чѣмъ какойнибудь рѣзкій звукъ одинаковой съ нимъ силы. Даже внутреннія чувства локализируются нами. Печаль мы локализуемъ и совершенно основательно въ сердцѣ, говоря „сердце болитъ“. Мысль мы локализуемъ въ

головѣ. Отсюда выраженіе: „въ головѣ пронеслась мысль“. Итакъ, размѣщеніе въ пространствѣ, извѣстныя пространственныя отношенія и большая или меньшая объемность свойственны психическимъ процессамъ. Изъ того, что эти психическіе процессы мы размѣщаемъ въ пространствѣ менѣе совершенно, чѣмъ предметы, физическіе процессы, не слѣдуетъ, чтобы была какая нибудь принципиальная разница въ этомъ отношеніи между психическимъ и физическимъ. Вы простите мнѣ это долгое отступление, какъ потому, что оно касается очень важнаго вопроса психологіи, отличія физическаго отъ психическаго, такъ и потому, что оно ведетъ насъ прямо къ цѣли дать опредѣленіе психологіи. Изъ невозможности отграничить психическое отъ физическаго вытекаетъ невозможность отграничить и соотвѣтствующія науки: психологію и естествознаніе. Мы не можемъ дать точнаго опредѣленія ни для психологіи, ни для естествознанія, не можемъ провести рѣзкой черты и сказать здѣсь кончилась психологія, здѣсь началось естествознаніе.

Между психологіей и естественными науками есть связующія области, которыя относятся къ обѣимъ наукамъ. Таково, напр. изученіе ощущеній, ихъ зависимость отъ физическихъ процессовъ (колебаніе эфира, сгущеніе и разрѣженіе воздуха и др.) и отъ устройства органовъ чувствъ: глаза, уха и т. п. Таково напр. изученіе зависимости духовныхъ процессовъ отъ тѣлесныхъ и обратно. Каждый по опыту хорошо знаетъ эту связь. Малѣйшее тѣлесное нездоровье отражается на самочувствіи человѣка, на всей его психической дѣятельности, на памяти и соображеніи. При сильномъ повышеніи температуры это измѣненіе можетъ быть настолько сильно, что его психика принимаетъ совершенно ненормальный характеръ. Человѣкъ, какъ говорятъ, находится въ бреду. А тотъ, кто испытываетъ зубную боль, лучше всякаго психолога чувствуетъ зависимость психическихъ переживаній отъ тѣлесныхъ процессовъ въ больномъ зубѣ. Небольшая доза алкоголя мѣняетъ очень многое въ психикѣ, измѣняетъ скорость теченія психическихъ процессовъ, подавляетъ высшія разсудочныя способности, этимъ производитъ чувство веселости. Всѣ процессы воспріятія зависятъ отъ тѣлесныхъ процессовъ въ нашихъ органахъ чувствъ, въ нервахъ, которые идутъ отъ нихъ къ мозгу и наконецъ отъ процессовъ въ мозгу. Если гдѣ нибудь эти процессы нарушатся, то прекращается и правильное воспріятіе, человѣкъ видитъ то, чего нѣтъ, испытываетъ галлюцинаціи. Галлюцинаціи можетъ испытывать и здоровый человѣкъ, но главнымъ образомъ онѣ встрѣчаются при заболѣваніяхъ мозга, при душевныхъ болѣзняхъ. Степень развитія психики у различныхъ живыхъ существъ зависитъ отъ величины головного мозга, даннаго животнаго вида, такъ у человѣка головной мозгъ вѣситъ гораздо больше (1360 грам.), чѣмъ у быка (500 гр.), хотя тотъ превосходитъ его величиной. Я боюсь Васъ утомить перечисленіемъ длиннаго и дѣйствительно утомительнаго ряда доказательствъ вліянія тѣлесныхъ процессовъ на духовные. Сейчасъ мнѣ бы хотѣлось, чтобы

Вы вынесли убѣжденіе, что такія вліянія дѣйствительно существуютъ. Для этого мнѣ бы хотѣлось привести Вамъ нѣсколько наглядныхъ доказательствъ такого вліянія, чтобы эти наглядные примѣры лучше врѣзались въ Вашу память. Въ обычномъ житейскомъ обиходѣ знаютъ хорошо, какое вліяніе оказываетъ наслѣдственность не только на физическій, но и на духовный обликъ людей. Но наука сообщаетъ поразительные примѣры такой наслѣдственности. Одинъ господинъ перерѣзалъ себѣ горло въ ваннѣ, будучи 35 лѣтъ. Онъ оставилъ 2 сыновей и одну дочь. Всѣ они въ томъ же возрастѣ лишили себя жизни, тѣмъ же способомъ. Дочь оставила сына, который такимъ же образомъ лишилъ себя жизни на 31 году. Тутъ поразительно то, что это влеченіе къ самоубійству, передаваясь чисто физическимъ путемъ отъ отца къ потомкамъ, дремало въ нихъ до поры до времени, было только скрытымъ физическимъ предрасположеніемъ. Но когда наступалъ роковой возрастъ, это физическое предрасположеніе, плодъ унаслѣдованной отъ отца организаціи роковымъ образомъ неудержимо вызывало влеченіе къ самоубійству и самое самоубійство.

Любопытны ощущенія курильщика одного наркотическаго вещества—гашиша. Тутъ можно видѣть, какъ ядъ, чисто физически, совершенно измѣняетъ на время всю психику человѣка, всѣ его отношенія къ внѣшнему міру. Вотъ какъ такой курильщикъ передаетъ свои ощущенія: „ощущенія становятся необычайно острыми, ухо слышитъ самые неразличимые звуки. Внѣшніе предметы принимаютъ чудовищные размѣры, они растутъ и принимаютъ невиданныя формы. Потомъ они начинаютъ преображаться и они входятъ въ Ваше существо или Вы входите въ нихъ. Звуки кажутся окрашенными, краски кажутся музыкой. Музыкальные созвучія кажутся числами, и Вамъ кажется, что Вы съ поразительной быстротой рѣшаете чудовищныя математическія задачи, по мѣрѣ того, какъ музыка звучитъ въ Вашемъ ухѣ. Вы сидите и курите, но вамъ кажется, что Вы находитесь въ Вашей трубкѣ и что трубка куритъ Васъ. Теряется чувство личности, то чувство пантеистическаго сліянія съ внѣшними предметами, которое испытываютъ иногда поэты, Вы переживаете его съ поразительной ясностью. Вы сливаетесь съ этимъ деревомъ, которое стонетъ отъ порывовъ вѣтра. Пропадаетъ чувство времени, и, когда Вы посмотрите на часы, то вмѣсто вѣчности, которую Вы пережили, часовая стрѣлка укажетъ только одну минуту“.

Вотъ еще примѣръ обратнаго дѣйствія, дѣйствія духовныхъ процессовъ на тѣлесные. Удивительные примѣры этого дѣйствія доставляютъ намъ случаи гипнотизма. Обычно при гипнозѣ внушаются какія нибудь произвольныя дѣйствія, такъ недавно мы читали въ газетахъ, что одной барышнѣ въ гипнотическомъ состояніи внушили произвести въ такой-то часъ экспроприацію въ магазинѣ ея тетки, что она и пыталась произвести. Но иногда путемъ внушенія удается вліять и на чисто органическіе процессы въ нашемъ организмѣ, на такіе, которые совершенно не зависятъ отъ воли; путемъ внушенія удается иногда вызывать нарывы, кровотеченія

у гипнотизируемыхъ субъектовъ. Нѣкто Фокашонъ производитъ такіе опыты. Онъ помѣстилъ между плечъ у нѣкой Элизы Ф. 8 квадр. почтовыхъ марокъ, покрытыхъ клеемъ и внушилъ усыпленной Элизѣ, что онъ приложилъ нарывной пластырь. Были приняты всѣ мѣры, чтобы не было обмана. Опыты производились въ присутствіи знаменитыхъ ученыхъ, знатоковъ гипнотизма. И дѣйствительно, въ тотъ же день на томъ же мѣстѣ, гдѣ были приложены почтовые марки, появилось 3 или 4 волдыря. Удавалось путемъ внушенія вызвать и кровотеченія изъ носу, удавались и такіе опыты: больному тупымъ кинжаломъ чертили на рукѣ его имя и внушали ему, что вечеромъ въ 4 часа у него покажется кровь, и покажется его имя, составленное изъ кровавыхъ буквъ. Въ назначенное время больной заснулъ самъ собой, и на рукѣ показались интенсивно кровавыя буквы и вмѣстѣ съ тѣмъ вытекло нѣсколько капель крови. Эти факты объясняютъ нѣкоторые факты и изъ жизни мистиковъ. Св. Францискъ Ассизскій получилъ кровавыя язвы на тѣхъ же мѣстахъ, гдѣ онѣ по Св. Писанію были у распятаго Христа. Подобный же случай былъ въ прошломъ XIX вѣкѣ и потому могъ наблюдаться учеными. Луиза Лато, 18-лѣтняя дѣвушка въ пятницу стала жаловаться на боль въ лѣвой рукѣ и на ней вскорѣ обозначилось красное пятно, изъ котораго вдругъ стала течь кровь. Потомъ въ слѣдующую пятницу обнаружилось тоже на лѣвой ногѣ, потомъ тоже въ пятницу кровь появилась на правой рукѣ и ногѣ, потомъ она появилась на лбу. Характеренъ былъ и внѣшній видъ этихъ „стигмъ“. На рукахъ и ногахъ онѣ имѣли видъ слѣдовъ отъ гвоздей, на боку отпечатокъ удара копьемъ и на лбу, какъ бы слѣды терноваго вѣнка. Ученые врачи очень скоро стали толковать эти загадочныя явленія, какъ слѣдствія самовнушенія. И Луиза Лато, и Францискъ Ассизскій такъ сильно думали о страданіяхъ Христа, такъ ясно представляли себѣ внѣшній видъ этихъ язвъ, что идея у нихъ повліяла на органическіе процессы и вызвала кровотеченія въ соответствующихъ мѣстахъ. Тѣ случаи, когда люди излѣчивались отъ различныхъ органическихъ болѣзней путемъ внушенія или самовнушенія, относятся сюда же. Они также иллюстрируютъ вліяніе духовныхъ процессовъ на тѣлесные. Итакъ мы должны признать, что существуетъ двусторонняя связь между духовными и тѣлесными процессами. Тѣлесное вліяетъ на духовное, а духовное вліяетъ на тѣлесные процессы, обѣ эти стороны находятся въ постоянномъ взаимодействіи, и вся жизнь человѣка представляетъ одно цѣлое, гдѣ такъ тѣсно связаны и его безсознательная органическая жизнь, и его сознательная психическая.

*Итакъ мы видѣли два основанія, почему нельзя психологію обособить отъ естествознанія: 1) потому что нельзя точно отграничить психическое отъ физическаго, 2) потому что психическое и физическое вліяютъ другъ на друга и поэтому нельзя, напр., изучать психическое, не изучая тѣхъ тѣлесныхъ процессовъ, которые ежеминутно и постоянно воздѣйствуютъ на психическіе процессы. Нельзя изучить душевной жизни, не изучая органиче-*

ской, тѣлесной жизни человѣка. Особенно необходимо для психологіи знаніе строенія и функцій нервной системы. Безъ такихъ знаній психологъ будетъ блуждать впотьмахъ, онъ не будетъ понимать связи своей духовной жизни съ органической. Его объясненія, его пониманія будутъ всегда неполными, а часто ошибочными. Поэтому анатомія и физиологія центральной нервной системы составляетъ вторую связующую область между психологіей и естествознаніемъ.

Итакъ нельзя рѣзко обособить психологію отъ естествознанія. Онѣ незамѣтно переходятъ одна въ другую. Всѣ раздѣленія наукъ носятъ условный практическій характеръ. Науки отдѣлились одна отъ другой не потому, чтобы области ихъ рѣзко отграничивались, а въ силу ограниченности человѣческаго разума. Одинъ человѣкъ не можетъ объять всего, потому ему приходится отмежевывать себѣ извѣстный уголокъ знаній. Изъ этого отношенія психологіи къ естествознанію видно, что нѣтъ принципиальной разницы и въ методахъ этихъ наукъ. Въ естествознаніи два главныхъ метода—наблюденія и опытъ, тѣ же методы примѣняются и въ психологіи.

Опытъ въ психологіи нашелъ себѣ самое обширное примѣненіе. На Западѣ существуютъ громадныя психическія лабораторіи съ цѣлымъ рядомъ сложныхъ аппаратовъ и въ этомъ отношеніи они могутъ быть поставлены въ рядъ съ физическими кабинетами, химическими лабораторіями и т. д. Опытъ въ психологіи употребляется главнымъ образомъ для установленія количественной стороны психическихъ явленій, для всякаго рода измѣреній; при помощи психического опыта опредѣляютъ скорость мысли, рѣшаютъ такой вопросъ, сколько представленій можно сознать заразъ, опредѣляютъ силу памяти.

Наблюденіе въ психологіи встрѣчается въ двухъ видахъ—въ видѣ самонаблюденія, наблюденія за своими собственными психическими процессами и въ видѣ наблюденія за чужой психикой, за психикой дѣтей, дикарей животныхъ, слѣпыхъ, душевно-больныхъ. Къ этому второму виду наблюденій относятся и изученіе психическихъ процессовъ по всякаго рода знакамъ, оставленнымъ людьми, по которымъ можно судить о психическихъ процессахъ въ людяхъ. Такими знаками будутъ автобіографіи, художественныя произведенія, народная поэзія, народныя вѣрованія, обычаи разныхъ народовъ, наконецъ языкъ ихъ, грамматическая и синтаксическая конструкція, по скольку въ ней отражаются процессы сознательной жизни человѣка и т. д. Все это различные знаки, въ которыхъ отразилась психика чужихъ людей, и по этимъ знакамъ мы можемъ возстановливать эту психику и пользоваться ими, какъ матеріаломъ для психологіи. Но главнымъ видомъ наблюденія въ психологіи будетъ первый видъ наблюденія, наблюденіе своихъ психическихъ процессовъ—самонаблюденіе. Ибо только зная свои сознательные процессы, мы можемъ наблюдать ихъ у другихъ людей. Только послѣ того, какъ мы сами испытали гнѣвъ, мы можемъ понимать состояніе разсерженнаго человѣка

и по внѣшнимъ проявленіямъ заключать о его внутреннемъ состояніи. Всякое наблюденіе чужой психики является только косвеннымъ посредственнымъ наблюденіемъ, непосредственно же мы можемъ наблюдать только свою собственную психику, свои собственные переживанія. Поэтому самонаблюденіе является главнымъ методомъ психологіи, и оно лежитъ въ основѣ другихъ методовъ психологіи, которыми достигается наблюденіе чужой психики. И такъ и по методамъ нельзя отграничить психологію отъ естествознанія. Методы эти одни и тѣ же—опытъ и наблюденіе. Часто говорятъ поэтому, что психологія—естественная наука. Но лучше будетъ, если такъ не говорить, потому что это совершенно ломаетъ обычный терминъ „естественныя науки“. Изъ того, что мы не можемъ отграничить ихъ область, изъ того, что естествознаніе незамѣтно переходитъ въ психологію, еще не значитъ, что между ними нѣтъ никакой разницы, что психологія есть часть естествознанія. Тогда съ такимъ же правомъ мы должны были бы говорить, что естествознаніе есть часть психологіи, ибо и оно не можетъ быть отграничено отъ психологіи, ибо и оно имѣетъ дѣло съ человѣческими ощущеніями, которыя заразъ и психическія и физическія явленія. Поэтому лучше не употреблять этого моднаго выраженія—психологія, какъ естественная наука,—а говорить, что это различныя науки, но что отграничить ихъ нельзя, что онѣ переходятъ одна въ другую, что области ихъ тѣсно связаны, что методы ихъ принципиально одни и тѣ же. *Суммируя все вышесказанное, психологію нельзя рѣзко отграничить отъ естествознанія, а поэтому нельзя дать точнаго опредѣленія ни для психологіи, ни для естествознанія.* Потому что опредѣлить какое либо понятіе, это и значитъ точно отграничить его отъ другихъ понятій. Что касается до психологіи, то опредѣленіе ея давало очень много различныхъ авторовъ, но ни одно изъ нихъ не удержалось въ наукѣ. Каждый ученый критиковалъ опредѣленія другихъ ученыхъ и предлагалъ свое, думая, что они ошибались въ чемъ-либо и что они своимъ опредѣленіемъ исправятъ эти ошибки. Но дѣло, какъ видно изъ предыдущаго, не въ ошибкахъ отдѣльных опредѣленій, а въ томъ, что по существу эта задача—дать точное опредѣленіе,—невозможна. А поэтому всякое опредѣленіе психологіи будетъ неточнымъ и всегда какой нибудь психологъ и укажетъ на эту неточность. Хорошо бы было критиковать отдѣльныя опредѣленія психологіи, данныя разными авторами, указать эту невозможность—дать точное опредѣленіе, но это завело-бы насъ слишкомъ далеко, да и было-бы для начинающихъ слишкомъ скучно. Поэтому приходится отказаться отъ этой, къ тому же чисто отрицательной работы. Но для предварительной оріентировки въ содержаніи и предметѣ психологіи, хорошо-бы было имѣть какое-либо опредѣленіе психологіи. Только имѣя такое опредѣленіе, нужно твердо помнить, что по существу дѣла оно неточно, что оно можетъ имѣть только предварительно-учебный, но не научный характеръ. Можно было бы съ этой оговоркой

сказать такъ—психологія есть *описательная и объясняющая наука о сознательныхъ процессахъ въ человѣческомъ индивидуумѣ*. Укажу вкратцѣ на неточность этого опредѣленія, которое встрѣчалось и въ другихъ опредѣленіяхъ. Послѣдователи философіи Канта убѣждены, что пространство есть форма нашего сознанія внѣшняго міра и что во внѣшнемъ мірѣ независимо отъ нашего сознанія, нѣтъ пространственныхъ отношеній. Для нихъ пространственные отношенія суть только психическіе, только сознательные процессы и поэтому для нихъ, собственно говоря, геометрія—наука о пространственныхъ отношеніяхъ, была бы частью науки о сознательныхъ процессахъ человѣческаго индивидуума—частью психологіи. Помня эту, неизбежную для всѣхъ опредѣленій, неточность, мы можемъ пользоваться этой формулой. Психологія есть описательная и объясняющая наука о сознательныхъ процессахъ въ человѣческомъ индивидуумѣ. Эта формула требуетъ нѣкоторыхъ поясненій, почему я употребилъ въ ней слова—*„описательная и объясняющая“* наука. Потому что существуютъ другія науки—науки нормативныя.

Описательныя и объясняющія науки изучаютъ какое-либо явленіе, какъ оно совершается въ дѣйствительности, нормативная наука изучаетъ, какъ оно должно совершиться для извѣстной цѣли, которая и будетъ нормой данной науки.

Такъ, соціологія будетъ наукой описательной и объясняющей,—она будетъ излагать какъ устроены и какъ живутъ общества; политика будетъ наукой нормативной. Она будетъ разсматривать, какъ общества должны быть устроены и какъ должны жить для того, чтобы быть счастливыми и развиваться. Вотъ эта цѣль и будетъ нормой политики. Прибавивъ эти слова *„объясняющая и описательная“*,—я и хотѣлъ отличить психологію отъ нормативныхъ наукъ о духѣ. Психологія есть наука теоретическая—она излагаетъ, какъ текутъ психическіе процессы въ дѣйствительности. Но сообразно съ обычнымъ тройственнымъ дѣленіемъ психологіи на умъ, чувство и волю—есть три нормативныя науки человѣческаго духа. Нормативная наука ума—логика. Она изучаетъ, какъ долженъ работать умъ человѣческій для того, чтобы его мысли были истинными. Нормативная наука чувства есть эстетика—она изучаетъ, какъ должны сочетаться наши ощущенія и представленія, чтобы мы чувствовали красоту. Нормативная наука воли есть этика. Она изучаетъ, какъ должна быть направлена наша воля, чтобы поступки этой воли были нравственными. Во всѣхъ этихъ трехъ наукахъ предметъ ихъ подчиненъ извѣстной цѣли—истинѣ, красотѣ и добру или нравственности. Этой цѣли, или нормѣ, подчиненъ весь ходъ разсужденія этихъ наукъ. Все, что не подходитъ къ этой цѣли бракуется ими. Логика бракуетъ тѣ мысли и тѣ приемы мысли, которые не приводятъ къ истинѣ; эстетика—тѣ представленія и сочетанія ихъ, которыя не даютъ чувства красоты; этика бракуетъ тѣ поступки, которые не будутъ нравственными.

Итакъ, въ этихъ нормативныхъ наукахъ изложеніе подчи-

нено извѣстной цѣли, и точка зрѣнія этихъ цѣлей (истины, красоты и добра) оцѣниваетъ явленія духа человѣческаго, производитъ между ними выборъ. *Итакъ, для нормативныхъ наукъ характерны: 1) извѣстная цѣль или норма; 2) оцѣнка и выборъ съ точки зрѣнія этой нормы.*

Совершенно иначе должна поступать психологія. Она изучаетъ представленія и ложныя, и истинныя, и то, что производитъ въ насъ чувство красоты, и то, что ея не производитъ; она изучаетъ всякіе поступки и не обращаетъ вниманія на го— нравственно оно или нѣтъ. Психологія не знаетъ оцѣнки. Все, что совершается въ человѣческомъ духѣ, служитъ ея предметомъ. Самый нелѣпый бредъ сумасшедшаго для нея также интересенъ, какъ и геніальныя мысли какого либо Ньютона или Дарвина, потому что этотъ бредъ также уясняетъ намъ законы духа человѣческаго, какъ и геніальныя мысли. Самыя ужасныя извращенія какого либо вырождающагося субъекта также интересны, а можетъ быть и еще интереснѣе, чѣмъ самыя самоотверженные поступки святой и нравственной личности. Психологія изучаетъ законы дѣйствительности, а нормативныя науки строятъ идеалы: логика—идеаль мысли, эстетика—идеаль чувства и этика—идеаль воли и поступковъ. Въ этомъ ихъ коренная разница, хотя всѣ они имѣютъ дѣло съ духомъ человѣческимъ, съ сознательными процессами человѣческаго индивидуума. Поэтому психологія должна быть чужда субъективизму нормативныхъ наукъ, она должна быть наукой объективной, такою же, какъ естествознаніе. Психологъ долженъ съ безстрастіемъ анатома разсѣкать человѣческое сердце, долженъ изучать развитіе страстей съ такимъ же спокойствіемъ, съ какимъ зоологъ изучаетъ развитіе бабочки изъ куколки. Но вышеприведенное опредѣленіе психологіи нуждается еще въ одномъ разъясненіи. Психологія—наука о сознательныхъ процессахъ въ человѣческихъ индивидуумахъ—Для чего прибавлено „въ человѣческихъ индивидуумахъ“? Это сдѣлано, чтобы отграничить психологію отъ соціологіи, отъ коллективной психологіи. Психологъ занимается сознательными процессами, только поскольку они совершаются въ отдѣльныхъ человѣческихъ индивидуумахъ. Когда же они совершаются въ группахъ людей, въ народахъ, обществахъ, когда они принимаютъ характеръ коллективныхъ психическихъ процессовъ,—это выходитъ изъ области психологіи, относится къ соціологіи, коллективной психологіи, Психологъ изучаетъ напр., чувство вѣры въ отдѣльномъ человѣческомъ индивидуумѣ, но онъ не разсматриваетъ, какъ различныя вѣрованія распространяются въ массахъ какъ они измѣняются отъ такого распространенія. Не его дѣло область психического взаимодѣйствія между людьми,—это дѣло, соціологіи или коллективной психологіи.

А къ такому психическому взаимодѣйствію людей сводятся всѣ продукты общественной жизни людей—ихъ культура, экономическія, правовыя или государственныя отношенія, ихъ обычаи, ихъ религія и т. д. Вѣдь религія состоитъ не въ храмахъ и вообще не въ матеріальныхъ предметахъ, а въ тѣхъ психиче-

скихъ сознательныхъ процессахъ вѣры, которыми полна душа вѣрующихъ массъ. Такъ и право заключается не въ сводѣ законовъ, не въ полкѣ книгъ, покрытыхъ пылью, а въ тѣхъ правовыхъ убѣжденіяхъ, которыя живутъ въ народѣ, или въ отдѣльныхъ классахъ этого народа. Нѣтъ такого физическаго предмета, какъ государство. Значить, государство должно быть понятіемъ коллективно-психологическимъ. Ибо въ мірѣ все что существуетъ—непремѣнно или физическое или психическое, третьяго рода бытія нѣтъ. И государство дѣйствительно существуетъ только въ умахъ массъ. Государственные формы падаютъ только тогда, когда въ психикѣ этихъ массъ совершается переворотъ, а пока этого переворота нѣтъ, государство также прочно, какъ гранитная скала. Но, указывая на психологическое происхождение всѣхъ соціологическихъ понятій—религій, права, экономики, государства, обычаевъ и культуры—психологія все-таки отграничиваетъ себя отъ изученія этихъ явленій, ибо иначе она разрослась бы до колоссальныхъ размѣровъ. Все это выдѣляется въ особую науку. Но психологическая природа всѣхъ основныхъ соціологическихъ понятій и выражается въ той тѣсной связи, которая существуетъ между психологіей и другими гуманитарными науками. Психологія является основной наукой для всѣхъ историко-филологическихъ и юридическихъ наукъ, которыя обычно имѣютъ дѣло съ массовой, общественной психикой. Нельзя понимать такую массовую психику, не зная психики единичной. Это убѣжденіе все больше и больше крѣпнетъ среди представителей разныхъ гуманитарныхъ наукъ. Перечислять всѣ завоеванія психологическаго метода въ разныхъ гуманитарныхъ наукахъ сейчасъ нѣтъ времени. Я укажу только два имени. Это 1) Тарда, который пытается на психическихъ основаніяхъ, на законахъ изобрѣтенія и подражанія обосновать всю соціологію, 2) Петражицкаго, который стремится ввести психологическій методъ въ правовѣдѣніе. Успѣхи химіи и физики начались тогда, когда они стали разсматривать не самыя тѣла, а тѣ мельчайшія частицы (атомы и молекулы), изъ которыхъ эти тѣла составлены. Успѣхи физиологіи начались тогда, когда дознались, что организмъ состоитъ изъ мельчайшихъ частицъ (клеточекъ) и начали изучать эти частицы.

Такъ и успѣхи гуманитарныхъ наукъ начнутся тогда, когда всѣ представители этихъ наукъ поймутъ, что всѣ объекты этихъ наукъ есть продукты массовой психики, а массовая психика можетъ быть познана только путемъ изученія тѣхъ психическихъ атомовъ, изъ которыхъ она состоитъ. Однако это не значитъ, конечно, что гуманитарныя науки безслѣдно рстворятся въ психологіи. У нихъ могутъ быть и свои объективныя закономерности, отличныя отъ психологическихъ. Такъ и законы физики массъ не вполне совпадаютъ съ законами физики частицъ.